

Kerimov A.A., Kabaziev M.Sh. Etnicheskaya sostavlyayushchaya politicheskoy identichnosti sovremen-nogo Kazakhstana // Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya. 2022. № 4. S. 42–45. [*Keri-mov A.A., Kabaziyev M.Sh.* Ethnic Component of the Political Identity of Modern Kazakhstan // Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology. 2022. № 4. P. 42–45.]

Kushkumbaev S. Kazakhstan i Central'naya Aziya mezhdru vyzovami iz proshlogo i gryadushchego. As-tana, 2022. 372 s. [*Kushkumbayev S.* Kazakhstan and Central Asia between Challenges from the Past and the Future. Astana, 2022. 372 p.]

Letnyakov D.E. Sozdavaya naciyu: politika identichnosti v postsovetskikh gosudarstvakh // Mir Rossii. Seriya: Sociologiya. Etnologiya. 2016. № 2. S. 144–167. [*Letnyakov D.E.* Creating a Nation: Identity Politics in Post-Soviet States // The World of Russia. Series: Sociology. Ethnology. 2016. № 2. P. 144–167.]

Nazukina M.V. Institucionalizatsiya etnichnosti v politike identichnosti rossijskikh respublik: konceptu-al'nyj analiz // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2020. № 3. S. 78–92. [*Nazukina M.V.* Institutionalization of Ethnicity in the Identity Policy of the Russian Republics: A Conceptual Analysis // Polis. Political Research. 2020. № 3. P. 78–92.]

Romanova A.P., Morozova E.V. Konstruirovaniye novykh identichnostej v sovremennom Kazahstane: tendentsii i orientiry // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2023. № 7. S. 85–102. [*Roma-nova A.P., Morozova E.V.* Construction of New Identities in Modern Kazakhstan: Trends and Benchmarks // World Economy and International Relations. 2023. № 7. P. 85–102.]

Tukumov E.V. Reformy i diplomatiya prezidenta Tokaeva (ot riskov k novym vozmozhnostyam i ustojchivosti Kazahstana) // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2024. № 5. S. 91–105. [*Tukumov E.V.* Reforms and diplomacy of President Tokayev (from risks to new opportunities and sustaina-bility of Kazakhstan) // World Economy and International Relations. 2024. № 5. P. 91–105.]

Shajkemelev M. Kazahskaya identichnost' v kontekste modernizatsii obshchestva. Almaty, 2020. 230 s. [*Shaikemelev M.* Kazakh identity in the context of modernization of society. Almaty, 2020. 230 p.]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анна Дмитриевна Дерендяева – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений ИИМО АлтГУ (Барнаул, Российская Федерация).
E-mail: a.derendyaewa@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna D. Derendyaeva – PhD in history, associate professor of the Department of General History and International Relations of Altai State University (Barnaul, Russian Federation).
E-mail: a.derendyaewa@yandex.ru

ОСОБАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ДОНБАССА: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ, ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Научная статья

М.А. Царёв

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации*

Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-0754-2705

ResearcherID: IRZ-1212-2023

SPIN-код: 2844-1251

AuthorID: 1201845

E-mail: carev_m_a@my.mgimo.ru

Н.Д. Тихонов

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации*

Москва, Российская Федерация

ORCID: 0009-0005-1529-7614

SPIN-код: 1086-3126

AuthorID: 1260724

E-mail: tihonov_n_d@my.mgimo.ru

Статья посвящена рассмотрению идентичности Донбасса. Цель исследования заключается в анализе формирования и эволюции типов идентичности региона в XVII–XX вв. Актуальность заявленной проблематики обусловлена, с одной стороны, увеличением количества работ по изучению идентичности различных политических единиц на фоне повышения уровня конфликтности международной среды; с другой стороны, авторы обратились к исследуемой теме ввиду заметного влияния идентичности Донбасса на начало в 2014 г. внутригосударственного конфликта на Украине, переросшего в международный в феврале 2022 г. Более того, важность изучения идентичности Донбасса обусловлена его вхождением в состав России: для того, чтобы безболезненно встроить регион с особой самоидентификацией в политическую конструкцию России, необходимо понимать логику ее зарождения и эволюции. Научная новизна работы заключается в применении трехуровневого (феноменология, эпистемология, онтология) конструктивистского анализа идентичности Донбасса. Такой анализ опирается на критическую геополитику Дж. Тоала и Дж. Эгню, конструктивизм правил Н. Онуфа и социальную теорию международных отношений А. Вендта. В первой части работы Донбасс рассматривается как пограничная территория Московского государства. С точки зрения феноменологии в это время формируется фронтальная идентичность региона и связанный с ней фронтальный «пространственный миф», а с точки зрения онтологии – «гоббсианский» («другой = враг») тип восприятия контрагента, будь то центральная власть или кочевники Дикого поля. Во второй части работы рассматривается «промышленная» идентичность региона, сложившаяся ввиду его интенсивного промышленного развития. С точки зрения онтологии, в результате проводимой Москвой (союзным центром) и Киевом (республиканским центром) политики «коренизации» и «украинизации», затронувшей Донбасс, закрепляется «локкианский» тип восприятия контрагентов (прежде всего, Киева и Москвы) как соперников. В третьей части работы исследуется преимущественно ранний постсоветский период формирования идентичности Донбасса. Стагнация промышленности и отсутствие приемлемых для жителей региона «правил»-кандидатов новой украинской национальной идентичности приводят к возврату к первой комбинации идентитарных переменных: сочетанию «фронтальной» самоидентификации и «гоббсианского» восприятия своих контрагентов на Украине.

Ключевые слова: Донбасс, идентичность, фронт, конструктивизм, геополитика, Дикое поле, индустриализация, постсоветское пространство, Украина, Россия.

Для цитирования: Царёв М.А., Тихонов Н.Д. Особая идентичность Донбасса: феноменологический, эпистемологический и онтологический анализ // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7. № 8. С. 888–899.

Благодарности: авторы благодарны научному руководителю грантового исследования кандидату исторических наук, в.н.с. ИМИ МГИМО МИД России С.М. Маркедонову за общие комментарии и вычитку текста, а также н.с. ИМИ МГИМО МИД России Л.С. Жирновой за плодотворную дискуссию. Авторы также выражают благодарность редакции журнала за публикацию статьи.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта КМУ-14/04 «Сецессии и де-факто политики на постсоветском пространстве».

**DONBASS UNIQUE IDENTITY:
PHENOMENOLOGICAL, EPISTEMOLOGICAL AND ONTOLOGICAL ANALYSIS**

Research article

Matvei A. Tsarev

MGIMO University
ORCID: 0000-0002-0754-2705
ResearcherID: IRZ-1212-2023
SPIN-код: 2844-1251
AuthorID: 1201845
E-mail: carev_m_a@my.mgimo.ru

Nikita D. Tikhonov

MGIMO University
ORCID: 0009-0005-1529-7614
SPIN-код: 1086-3126
AuthorID: 1260724
E-mail: tikhonov_n_d@my.mgimo.ru

The complex identity of Donbass, shaped by both historical and ongoing geopolitical tensions, provides valuable insights into how regional identities can profoundly influence international conflicts. This article examines the identity of the Donbass region, focusing on the formation and evolution of various types of identity from the 17th to the 20th centuries. The relevance of this study is underscored by the increasing number of works on political identities, particularly in the context of rising international tensions. Moreover, Donbass' identity played a key role in sparking the internal conflict in Ukraine in 2014, which escalated into an international confrontation in February 2022. Understanding Donbass' identity is also critical following the region's incorporation into the Russian Federation. To ensure the smooth integration of this region, with its unique identity, into Russia's political framework, it is essential to analyze the historical processes that shaped this identity. Building on the constructivist frameworks of critical geopolitics and social theory, a three-tiered analysis on Donbass' identity, addressing phenomenology, epistemology and ontology. This approach draws from the critical geopolitics of Gerard Toal and John Agnew, Nichilas Onuf's constructivism of rules and Alexander Wendt's social theory of international relations. The first section explores Donbass as a border territory of the Tsardom of Muscovy, where a frontier identity developed, characterized by a «spatial myth» of the frontier and a Hobbesian perception of others – whether central authorities or nomads – as enemies. The second section, building on this frontier identity, examines the development of an «industrial» identity, shaped by rapid industrialization and the policies of «indigenization» and «Ukrainization» by Moscow and Kyiv. This resulted in a Lockean perception of others as rivals. Finally, the third section transitions to the early post-Soviet period, where the region's industrial decline and the lack of a coherent national identity framework in Ukraine caused Donbass to revert to its earlier combination of frontier self-identification and a Hobbesian view of its counterparts. By linking these identity phases to broader theoretical frameworks, the study contributes to a deeper understanding on Donbass' role in the geopolitical landscape.

Keywords: *Donbass, identity, frontier, constructivism, geopolitics, Wild Field, industrialisation, post-Soviet space, Ukraine, Russia.*

For citation: *Tsarev M.A., Tikhonov N.D. Donbass Unique Identity: Phenomenological, Epistemological and Ontological Analysis // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2024. Vol. 7. № 8. P. 888–899. (In Russ.)*

Acknowledgments: we would like to extend our sincere thanks to Sergey M. Markedonov, PhD in History, Leading Research Fellow at ISS, MGIMO University, scientific supervisor of the project, for his general comments and proofreading of the text. Therefore, we are also thankful to Lidia S. Zhirnova, Research Fellow at ISS, MGIMO University, for fruitful discussions. Lastly, we would like to mention the editors for publishing the manuscript.

Funding: the research was funded by CYS-14/04 «Secessions and de-facto states in the post-Soviet space».

Противоположная позиция Киеву, которую заняли Донецкая и Луганская Народные Республики в 2014 г. во время политической нестабильности на Украине, а также их стремление войти в состав Российской Федерации, реализованное в 2022 г., свидетельствуют о важности фактора идентичности в современных мирополитических процессах. Помимо столкновения стратегических интересов США и России на мировой арене и реакции Москвы на действия Вашингтона, направленные на ослабление позиций и военной мощи России, особая идентичность Донбасса также стала одной из причин начала вооруженного конфликта на Украине – сначала внутригосударственного, а со временем и международного.

Уникальность идентичности Донбасса, впрочем, не является феноменом исключительно XXI в. Особая идентичность этого региона зародилась в более ранние исторические периоды, задолго до появления топонима «Донбасс», когда современная территория региона на карте значилась лишь как часть Дикого поля.

Цель настоящего исследования – анализ формирования и эволюции идентичности Донбасса в исторической ретроспективе. Гипотеза работы вытекает из цели и сформулирована следующим образом: геополитика и экономическое развитие Донбасса влияли на формирование его идентичности. Следовательно, в своей работе авторы отвечают на вопрос: какова роль геополитических и экономических факторов в формировании и эволюции региональной идентичности?

Методология. Методологически работа опирается на школу конструктивизма в международных отношениях. Авторы применяют подходы к феномену идентичности, разработанные видными представите-

лями конструктивистской парадигмы – Николасом Онуфом и Александром Вендтом. При анализе влияния геополитических и геоэкономических факторов формирования и устойчивости самоидентификации региона предлагается рамка критической геополитики Джерарда Тоала и Джона Эгнью.

Н. Онуф, одним из первых применив термин «конструктивизм» [Азизов, 2015: 45], опирался на теории речевых актов Джона Остина и Джона Серля [Onuf, 2012: 83–86], а также на гипотезу Людвига Витгенштейна об интерсубъективности языка, то есть выполнение всеми участниками коммуникации определенных правил «языковых игр». Сначала формулируются правила-кандидаты, которые затем, по мере их принятия слушателем, становятся в полной мере конституирующими для общества [Onuf, 2012: 86-88]. Данный подход можно рассматривать как применимый к эпистемологическому анализу в рамках настоящего исследования, заключающегося в рассмотрении тех нарративов, которые формулировались относительно Донбасса на протяжении всей истории становления и развития его особой идентичности: от определенной автономности Дикого поля к лозунгам индустриального периода и украинизации Донбасса и позднее к неприятию киевскими властями идентичности региона в период конструирования украинского национального проекта в 1990-е гг.

Онтологический анализ в исследовании основывается на «социальной теории международных отношений» А. Вендта, который проблематизировал онтологические установки как определяющие для понимания наблюдаемых процессов [Wendt, 1999: 6–7]. Отдельное внимание Вендт уделяет проблематике конструирования анархии акторами международных отношений [Wendt, 1992: 402–403]. Он выделяет три возмож-

ных типа анархии в соответствии с философскими традициями Гоббса, Локка и Канта, что соответствует трем типам восприятия агентами друг друга: как врага, как соперника и как друга [Wendt, 1999: 258]. Данная методологическая рамка применяется для описания типов идентичности Донбасса, сменявших друг друга на протяжении истории становления и развития уникальности региона.

В рамках настоящего исследования также принимается гипотеза Вендта о том, что логика анархии может изменяться с течением времени. Отношения между акторами в анархической системе, по Вендту, могут развиваться в том числе и в «регрессивном» направлении (например, от «локкианского» к «гоббсианскому» типу) [Wendt, 1999: 270]. Типы восприятия контрагентов применимы и к описанию отношений между Донбассом и «центром» – Москвой или Киевом (в зависимости от временного периода), на которые влиял тот или иной тип идентичности региона. Как далее в исследовании будет показано, отношения Донбасса с центральными властями прошли несколько периодов: от «гоббсианской» вольницы фронта¹ к «локкианскому» соперничеству с республиканским и союзным центрами, вернувшись в 1990-е гг. к логике фронта (когда «другой» означает «враг»).

Наконец, школа критической геополитики, разработанная Джерардом Тоалом и Джоном Эгнью, стала отправной точкой феноменологического уровня нашего исследования. При географическом анализе авторы предлагают обращаться не только к сугубо материальным характеристикам, но и к «географическому воображению и пространственным мифам», то есть к миру идей [Окунев, 2015: 28–29]. Для этого необходимо учитывать проблематику социального конструирования пространства, т.е. анализировать «социальное конструирование мира и роль географии в этом процессе», поскольку таковые формируют определенный нарратив. Последний влияет на

любые модели глобальной политики, из чего следует, что геополитический нарратив может противоречить физической географии [O Tuathail, Agnew, 1992: 191].

С помощью феноменологического анализа в рамках критической геополитики исследуется формирование и сменяемость географических и пространственных мифов Донбасса: фронтального, промышленного и позднее вновь фронтального.

Фронтальный период формирования идентичности Донбасса. Еще в XVI–XVII вв., являясь составной частью Земли Донских казаков, регион, который в дальнейшем станет известен как «Донбасс», становится фронтом набирающего силу Московского государства. Формирование «фронтального» типа самоидентификации было обусловлено постоянным изменением границ региона, не отделенного какими-либо естественными преградами от Дикого поля и населявших его кочевников. З. Бауман отмечает, что в условиях «текучести и гибкости» границ идентичности борьба за нее оказывается наиболее интенсивной [Bauman, 1992: 679–680]. Таким образом, с точки зрения феноменологии, «фронтальный» период обуславливает формирование и укрепление устойчивости «пространственного мифа», заключающегося в дистанцировании региона от какой-либо центральной власти через острое противопоставление себя внешним врагам.

Эпистемологически фронт как составляющая самоидентификации региона фиксируется с помощью сохранившихся до наших дней представлений того времени о регионе. Самое известное из них – принцип «с Дона выдачи нет», отражавший определенную автономию Донского войска от центра (Московского государства). Примечательно, что геополитическое расположение региона и процесс его освоения порой сравнивается с другим известным фронтом – Диким Западом [Куромия, 2002: 29]. Уникальность региона была также обусловлена его заселением балканскими славянами, которые были носителями ярко выраженной фронтальной идентичности на протяжении XIV–XVI вв. Название территории их расселения в регионе – Славяно-сербия – на уровне речевого акта также от-

¹ Впервые термин «фронт» ввел в научный дискурс американский ученый Ф.Дж. Тернер, понимавший фронт как «внешний край волны – место контакта дикости и цивилизации» [Тернер, 2009: 14].

ражало фронтальный характер противостояния угрозе со стороны кочевых народов Дикого поля в рассматриваемый период (прежде всего, крымских татар). Славяно-сербия представляла собой, по сути, совокупность военных поселений с особым правовым режимом, направленных против Крымского ханства [Подов 1998: 19]. Включение их в дальнейшем в полки регулярной русской армии, дислоцированные на территории Новороссийской губернии, оказало влияние на идентичность региона.

Наконец, онтологический уровень анализа фронтального периода позволяет выделить «гоббсианский» характер восприятия жителями земель современного Донбасса всех своих контрагентов: к югу от Донецкого региона находились безусловные «враги» казачества как пограничники Московского государства, но и на севере, в столице (Москве), казачья вольница не всегда находила отклик (например, в годы «Азовского сидения» 1637–1642 гг.). По мере снижения угроз со стороны внешнего «врага» отношения с центральной властью не только не улучшались, но даже ухудшались (квинт-эссенцией чего в 1707–1708 гг. стало восстание Кондратия Булавина). Вплоть до 1721 г. Донское войско отличалось своим «вольным» характером и в нормативно-правовых актах того времени именовалось «Донскими вольными казаками» [Сватиков, 1924: 11]. Примечательно, что большая часть Земли Донских казаков после подавления восстания оказалась на территории Бахмутской провинции [Комолов, 2009: 230], а характерная для казачества «вольность» может сравниться по некоторым своим характеристикам именно с «гоббсианской» анархией [Коржов, 2006: 48].

Промышленный период формирования идентичности Донбасса. К концу XVIII в. важность фактора «фронтальности» для политического и социально-экономического развития региона элиминируется, хотя и остается значимым элементом, конституирующим его идентичность. Это обусловлено трансформацией его статуса пограничья Российской империи в ее относительно спокойный тыл после присоединения к ней Крымского ханства. С началом строительства в 1795 г. по Указу Екатерины II Лу-

ганского чугунолитейного завода и угольных шахт на территории современного Лисичанска на первый план для жителей региона выходит новая уникальная особенность – интенсивное промышленное развитие.

С точки зрения феноменологии необходимо обратить внимание на экономические аспекты развития региона, которые стали играть ключевую роль в его развитии в течение Новейшей истории. Уже к началу XX в. 12 из 17 металлургических заводов Российской империи работали на территории Донбасса [Кононов, 2021: 5]. В советское время Донбасс сначала сохранял свои ведущие позиции в качестве индустриальной базы СССР [Прилипухов, 2011: 609], что позитивно влияло на утверждение именно «промышленной» самоидентификации. Особенно интенсивный рост промышленности в УССР в целом и на Донбассе в частности наблюдался в годы первых пятилеток [Брутян, Ивановский, 1986: 37]. За годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления индустриальный центр страны, однако, сместился на Восток, к Уралу, в центр страны, а с 1965 г., после окончания «эры угля», вес Донбасса в экономике Советского союза стал бесповоротно снижаться [Курылев, 2018: 523–524]. Это было обусловлено отходом от массового использования угля в пользу углеродного топлива («эра нефти» и позднее «эра газа»). На фоне превращения угольной промышленности в планово-убыточную отрасль и невозможности найти эффективный способ повышения ее рентабельности [Курылев, 2018: 524] наметилась стагнация угледобывающего комплекса региона и снижение капиталовложений в Донбасс со стороны Москвы.

С точки зрения эпистемологии роль промышленности в формировании идентичности Донбасса можно наблюдать в нарративах о регионе еще в XIX в. Именно во время геодезических исследований региона впервые было введено понятие «Донецкий бассейн» [Ковалевский, 1827: 43], которое позднее стало использоваться как топоним «Донбасс». Промышленный характер Донбасса особенно подчеркивался на уровне официально дискурса советской властью в рамках получившего всесоюзную

известность стахановского движения. К проявлениям такого восприятия идентичности региона можно отнести известный плакат «Донбасс – сердце России», выпущенный в 1921 г.

На уровне правил, формулируемых через речевые акты, впрочем, советская власть не одобряла те высказывания, которые могли бы подчеркнуть русскоязычный или отличный от украинского характер региона. Такая практика исходила из политики украинизации («коренизации»), ставшей следствием решений апрельского XII Съезда РКП (б) 1923 г., позволившего «государственно-партийному аппарату в нерусских республиках» [Федоровский, 2020: 93] проводить в них национальную политику взамен на поддержку «централизаторской линии» при подготовке проекта Конституции СССР [Українізація..., 2003: 43]. Например, под запрет попали такие концепции, как «Новороссия», «Юг России», «Донецко-Криворожский край» [Рябинин, 2024: 72]. Уже намного позднее, лишь после окончания ключевых волн украинизации Донбасса, на рубеже 1960-х и 1970-х гг. [Манекин, 2007] появляются и входят в дискурс лозунги, подчеркивающие «инаковость» населения региона, такие как: «Донецк – это уголь. Донецк – это сталь. Донецк – это люди, смотрящие вдаль!», «За нас, за вас и за Донбасс!», «Донбасс – это я, Донбасс – это ты, Донбасс – это лучшие люди страны!».

Онтологически «промышленная» идентичность Донбасса соответствует «локкианскому» типу анархии, при котором агент структуры воспринимает своих контрагентов как «соперников» (Москву – как центр принятия решений по «коренизации», Киев – как проводника политики украинизации). Основы такого восприятия, вероятно, были заложены идеей «социалистического соревнования». Еще в большей степени они, однако, могли быть усилены политикой «коренизации», в ходе которой русскоязычное большинство жителей региона было вынуждено массово и в достаточно сжатые сроки перейти на украинский язык, что противоречило исторически заданной траектории развития региона.

Если в 1923 г. на Донбассе на русском языке издавались 5 из 7 журналов и 8 из

9 газет, то уже в 1934 г. ситуация была полностью противоположной: подавляющее число газет (23 из 36) выходили на украинском языке и лишь только 2 – на русском [Рябинин, 2024: 71–72]. Украинизация также затронула систему образования в регионе: 78,6% школ на Донбассе к концу 1932 г. были украинскими, еще 9,3% были смешанными (украинско-русскими) [Рябинин, 2024: 72].

Несмотря на то что основные этапы украинизации региона пришлось на первые десятилетия советской власти, попытки подавления русской культуры прослеживаются и в более поздние периоды СССР. Например, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. региональные донбасские власти под предлогом нехватки средств закрыли Сталинский областной русский драматический театр им. А.С. Пушкина (г. Енакиево), Артемовский музыкально-драматический и Чистяковский русский драматический театры [Манекин, 2007].

Привнесенный таким образом антагонизм и с республиканским, и с союзным центрами, каждый из которых нес ответственность за проведение политики «коренизации», закреплялся за счет оттеснения Донбасса как ключевого индустриального региона на второй план, что отдаляло Донбасс также от соседних менее турбулентных в экономическом плане сопредельных регионов. На онтологическое соперничество Донбасса и отторжение любого центра повлияла и партийная конъюнктура: в 1980-е гг. «донецкая группировка» в Москве стала терять свои позиции, а в Киеве большой вес вместо «донбасского клана» стали приобретать представители западных областей Украины [Манекин, 2007].

Роль постсоветского транзита в формировании идентичности Донбасса. Рассматривая идентичность Донбасса в конце 1980-х гг. и особенно после 1991 г., можно было бы, не обладая «послезнанием», предположить, что после «локкианского» периода формирования своей идентичности регион уже в рамках Украины мог бы перейти к «кантианскому» представлению о других частях украинского государства и его центре как «друзьях». Этого, как известно, не случилось по ряду причин.

Во-первых, с точки зрения феноменологии, снижение промышленной значимости региона освободило место для «пространственных представлений», главным из которых является то, что Донбасс – особый фронтальный регион с низкой зависимостью от любой центральной власти. Уже в 1989 г. идеи об автономности Донбасса получают свое оформление. Это происходит на фоне принятия Верховным Советом УССР Закона о языках, согласно которому только украинский признавался единственным государственным языком Украины. В целях защиты прав «коренного русскоязычного населения» [Рябинин, 2024: 74] на Донбассе возникло Интердвижение (Интернациональное движение Донбасса). В 1992 г. протестные силы были объединены в рамках созданной в Донецке организации «Гражданский конгресс», ставшей ядром регионализма на юго-востоке Украины [Рябинин, 2024: 74]. В этот период протестные силы обратились к опыту создания Донецко-Криворожской Республики как прецеденту образования иной (русской), антагонистичной украинской, государственности [Рябинин, 2024: 70].

Во-вторых, с точки зрения эпистемологии, можно зафиксировать на уровне правил, формулируемых через речевые акты рядом украинских политиков и членов экспертного и научного сообществ, неприятие Донбасса как органичной части украинского национального проекта. Архаизированное представление украинских элит о социально-политическом развитии Украины (максимой которой вполне может являться слоган «Армія. Мова. Віра» предвыборной кампании П. Порошенко в 2018–2019 гг.) путем конструирования «homo ukrainikus»¹ оказалось ошибочным. Равно как и надежда на помощь некоего «внешнего распорядителя». Донбасс так и не был интегрирован в Украину и стал основным направлением для киевских властей в их политике «ожес-

точного неприятия русского как Другого, отталкивания, отвращения от русской культуры» [Ищенко, Заславская, 2021: 127]. Это обусловлено архаичной формулой, которую пытаются использовать власти современной Украины для конструирования своего культурного пространства (украинцы = европейцы, русские = Другие/чуждые). Жителей Донбасса сравнивают с варварами, с отсталыми людьми; напротив, жителей других территорий рассматривают в качестве развитого этноса (противостояние двух цивилизаций: развитой европейско-украинской и отсталой советско-российской) [Ищенко, Заславская, 2021: 127]. Например, украинский исследователь А.М. Еременко дает такую характеристику жителям и интеллектуальной элите Донбасса: «По нашим наблюдениям, жители Донбасса весьма слабо знакомы с европейскими ценностями и европейским образом жизни. Их сознание заполнено упрощенными стереотипами, своеобразными мифами о, якобы, “гнусной и развратной Европе”. Прискорбно, что не только темная, косная, невежественная народная масса не восприимчива к европейским ценностям. Значительная часть донбасской интеллектуальной элиты относится к европейским ценностям, мягко говоря, прохладно и предпочитает им ценности “русского мира”» [Еременко, 2018: 21].

Под вопрос ставится актуальность особого исторического пути Донбасса. В национальном украинском дискурсе появляются идеи о необходимости приведения особенностей идентичности различных составных частей современной Украины, сложившихся в рамках их исторического развития, к новой и унифицированной национальной украинской идентичности (например, на основе «интегрального национализма» Д.И. Донцова). Вот что пишет А.М. Еременко: «Важность социальной памяти, исторической традиции, «почвы» и «корней» сильно преувеличена. Чрезмерно копаться в исторических корнях не продуктивно. Оставим историю историкам. Нам нужно задуматься не о том, как укорениться в нашей истории, а о том, как оторваться от нее. Бывают сковывающие традиции, бывает больная, раненая память. В истории постоянно “мертвый хватает живого”. Наша ответствен-

¹ Політтехнолог Ігор Гринів: «У 2014-му Путін дзвонив Порошенкові й питав: «Чем я могу помочь?» // Hromadske. 30.09.2019. URL: <https://hromadske.ua/posts/polittechnolog-igor-griniv-u-2014-mu-putin-dzvoni-v-poroshenkovi-j-pitav-chem-ya-mogu-pomoch> (дата обращения: 20.10.2024).

ность перед будущим важнее ответственности перед прошлым» [Еременко, 2018: 24].

Наконец, онтологически Донбасс не воспринимал себя как «дружественный» субъект для своих новых контрагентов в рамках украинского государства, в первую очередь, для Киева и Западной Украины. Украинский этнонационализм был чужд жителям Донбасса. Значительная часть населения региона по-прежнему воспринимала себя в качестве самостоятельного сообщества. Так, согласно социологическим опросам, в первые годы независимости Украины 54,9% в 1991 г. и 49% в 1992 г. жителей Луганской области считали население Донбасса особой этнотерриториальной общностью. Преимущественно украинцами и русскими считали соответственно лишь 17,4 и 12% в 1991 г. и 9,4 и 14% в 1992 г. респондентов [Рябинин, 2024: 74].

Более того, встраивание Донбасса в новую идентитарную рамку независимого украинского национального государства осложнялось тем, что после 1991 г. Киев поддерживал «негативную идентичность» в стране, противопоставляя «своих» (представителей титульной украинской нации) «чужим» [Гудков, 2005: 124], тем самым стремясь отмежеваться и от советского, и от имперского наследия. Оба этих периода, однако, в случае юго-востока Украины (частью которого являлся Донбасс) были важными вехами в процессе индустриального развития региона [Герштейн, 2020: 633], в значительной степени повлиявшими на формирование его «промышленной» самоидентификации. В итоге киевские власти после 1991 г. парадоксальным образом сами способствовали размыванию «промышленной» и «локкианской» идентичности Донбасса, при этом «неоправданно растягивая период культивирования идентичности через отрицания» в стране [Герштейн, 2020: 635]. Иными словами, Киев не сформулировал для государства альтернативную позитивную национальную идентичность. «Отчуждение жителей Донбасса от институтов украинской государственности» [Герштейн, 2020: 633] закрепило ситуацию отката идентичности Донбасса к фронтальному «гоббсианскому» типу, поскольку центральная власть в рамках украинского национального государства так и не сформулировала какого-либо проекта, с помощью

которого ей бы удалось интегрировать рассматриваемый регион и предложить Донбассу такой вариант самоидентификации, который бы позволил заменить ее «промышленный» тип.

Заключение. В настоящем исследовании при помощи методологии, основу которой составил трехуровневый (феноменология, эпистемология, онтология) конструктивистский анализ идентичности, была проанализирована история развития региональной идентичности Донбасса. Начало формирования самоидентификации Донбасса, с точки зрения феноменологии, было определено фронтальным положением региона на протяжении XVII–XVIII вв., закрепившись в сознании жителей региона как определенный «пространственный миф». Эпистемологически это фиксируется через топонимику и особые автономные отношения с бывшим центром Московского государства. Будущий регион Донбасса в условиях характерной для пограничья вольницы небезосновательно воспринимал на онтологическом уровне своих контрагентов в парадигме «врага», что соответствует «гоббсианскому» типу анархии.

С конца XVIII в. новым фактором развития самоидентификации региона становится его интенсивное индустриальное развитие. Фронтальность отходит на второй план, уступая место своеобразному классовому «промышленному» сознанию, а позднее – идее социалистического соревнования.

Тем не менее взятый как Киевом, так и Москвой курс на «коренизацию» и украинизацию, привел к достаточно серьезному внешнему вмешательству в процесс эволюции региональной идентичности: на уровне речевых актов стал закрепляться разрыв с русскоязычной составляющей истории становления и развития Донбасса. Последующее постепенное снижение роли Донбасса как промышленного региона СССР привело к его онтологическому соперничеству с союзным, а позднее – и республиканским центрами.

К концу 1980-х гг. в условиях снижения экономического благосостояния региона феноменологический «промышленный» тип идентичности более не мог обосновывать его уникальность, а онтологически новый тип, который соответствовал бы

кантианскому восприятию другого как друга, так и не был найден. В 1990-е гг. происходит откат к «фронтирному» самосознанию как своеобразному «пространственному» мифу и «гоббсианскому» вос-

приятию Киева в качестве столицы уже независимой Украины, не сумевшей выдвинуть такие «правила»-кандидаты новой идентитарной рамки, которые были бы приемлемы для Донбасса.

ЛИТЕРАТУРА

- Азизов У.Б. Конструктивизм в международных отношениях: интерпретация Николаса Онуфа, Фридриха Кратохвила и Александра Вендта. СПб, 2015. 160 с.
- Брутян Л.А., Ивановский Б.Г. Трудовое содружество советских народов: участие народов СССР в создании единого народнохозяйственного комплекса. М., 1986. 224 с.
- Герштейн И.З. «Негативная» идентичность как фактор современного государствообразования (на примере Беларуси, Украины, ДНР и ЛНР) // *Via in tempore*. Серия: История. Политология. 2020. Т. 47. № 3. С. 630–639. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-3-630-639. EDN: TVSKHD.
- Гудков Л. Синдром негативной идентичности в посттоталитарной России // *Вторая навигация*. Альманах. 2005. Вып. 5. С. 123–143.
- Еременко А. Луганский мятеж в сравнении с подобными историческими событиями // *Криминологические исследования: сб. науч. труд. Вып. 10*. Северодонецк, 2018. С. 10–26.
- Ищенко Н.С., Заславская Е.А. Образ Другого как структурная характеристика культурной границы (на примере Украины и Донбасса) // *Гуманитарный вектор*. 2021. Т. 16. № 2. С. 124–136. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-124-136. EDN: FWPXOS.
- Ковалевский Е.П. Опыт геогностических исследований в Донецком горном кряже // *Горный журнал*. Кн. 2. СПб, 1827. С. 27–56.
- Комолов Н.А. Азовская губерния (1709–1725). Территория и высшие администраторы. Ростов-на-Дону, 2009. 257 с. EDN: QPQSWR.
- Кононов И.Ф. Донбасс в региональной системе Украины // *Регион и мир*. 2021. № 3. С. 21–33. ISSN: 1829-2437. EDN: WJDOKE.
- Коржов Г. Региональная идентичность Донбасса: генезис и тенденции развития в условиях общественной трансформации // *Социология: теория, методы, маркетинг*. 2006. № 4. С. 38–51.
- Куромія Г. Свобода і терор у Донбасі: українсько-російське прикордоння, 1870–1990-і роки. Київ, 2002. 510 с.
- Курьлев К.П., Дегтярев Д.А. Роль и место Украины в СССР: завышенное социально-экономическое и переоцененное политическое влияние. Ч. 1 // *Постсоветские исследования*. 2018. № 6. С. 516–530. DOI: 10.24411/2618-7426-2018-00058. EDN: VAICPI.
- Манекин Р.В. Донецк Forever. Очерки истории Донецкого края. 2007. URL: <https://www.manekin.narod.ru/hist/forever/forever.htm> (дата обращения: 20.10.2024).
- Окунев И.Ю. Методологический синтез в современной геополитике: навстречу неоклассической (посткритической) геополитике // *Политическая наука*. 2015. № 2. С. 26–38. ISSN 1998-1775. EDN: UMJPVH.
- Подов В.И. Славяносербия. Очерки из истории заселения Донбасса в XVIII в. Документы. Луганск, 1998. 119 с.
- Прилипухов А.А. Особенности территориальной организации экономики Украины // *Вестник Тамбовского университета*. Серия: Естественные и технические науки. 2011. № 2 (16). С. 608–611. ISSN 1810-0198. EDN: NTOBYX.
- Рябинин Е.В. Особенности формирования региональной политико-культурной идентичности Донбасса // *PolitBook*. 2024. № 1. С. 65–81. DOI: 10.24412/2227-1538-2024-1-65-81. EDN: MASJJI.
- Сватиков С.Г. Россия и Дон. 1549–1917. Вена, 1924. 603 с.
- Тернер Ф. Дж. Фронт в американской истории. М., 2009. 304 с.
- «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки / авт. кол.: В.М. Даниленко (кер. авт. кол.), Я.В. Верменич (заст. кер. авт. кол.), П.М. Бондарчук, Л.В. Гриневич, О.О. Ковальчук, В.В. Масненко, В.М. Чумак; відп. ред. В.А. Смолій. К.: Інститут історії України, 2003. 392 с.
- Федоровский Ю.Р. Первая советская украинизация Луганщины // *Культурный ландшафт регионов*. 2020. Т. 2. № 1. С. 90–108. EDN: WDVSPSP.
- Bauman Z. Soil, blood and identity // *The sociological review*. 1992. № 40 (4). P. 675–701. DOI: 10.1111/j.1467-954X.1992.tb00407.x.
- Ó Tuathail G., Agnew J. Geopolitics and discourse: practical geopolitical reasoning in American foreign policy // *Political geography*. 1992. Vol. 11. № 2. P. 190–204. DOI: 10.1016/0962-6298(92)90048-X.

Onuf N.G. World of our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations. Routledge, 2012. 352 p. DOI: 10.4324/9780203722428.

Wendt A. Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46. № 2. P. 391–425. DOI: 10.1017/S0020818300027764.

Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge, 1999. 433 p. ISBN: 9780521469609. DOI: 10.1017/CBO9780511612183.

REFERENCES

Azizov U.B. Konstruktivizm v mezhdunarodnyh otnoshenijah: interpretacija Nikolasa Onufa, Fridriha Kratochvila i Aleksandra Vendta. SPb, 2015. 160 s. [*Azizov U.B.* Constructivism in International Relations: Interpretation of Nicholas Onuf, Friedrich Kratochwil and Alexander Wendt. SPb, 2015. 160 p.]

Bauman Z. Soil, blood and identity // The sociological review. 1992. № 40 (4). P. 675–701. DOI: 10.1111/j.1467-954X.1992.tb00407.x.

Brutjan L.A., Ivanovskij B.G. Trudovoe sodruzhestvo sovetskikh narodov: Uchastie narodov SSSR v sozdanii edinogo narodnohozjajstvennogo kompleksa. M., 1986. 224 s. [*Brutyan L.A., Ivanovsky B.G.* Labor Commonwealth of Soviet Peoples: Participation of the Peoples of the USSR in the Creation of a Single National Economic Complex. M., 1986. 224 p.]

Eremenko A. Luganskij mjatezh v sravnenii s podobnymi istoricheskimi sobytijami // Kriminologicheskie issledovanija: sb. nauch. trud. Severodonetsk, 2018. Vyp. 10. S. 10–26. [*Eremenko A.* Lugansk mutiny in comparison with similar historical events // Criminological studies: collection of scientific works. Issue. 10. Severodonetsk, 2018. P. 10–26.]

Fedorovskij Ju.R. Pervaja sovetskaja ukrainizacija Luganshiny // Kul'turnyj landshaft regionov. 2020. T. 2. № 1. S. 90–108. EDN: WDVSP. [*Fedorovsky Yu.R.* The first Soviet Ukrainization of the Lugansk region // Cultural landscape of regions. 2020. Vol. 2. № 1. P. 90–108. EDN: WDVSP.]

Gershtejn I.Z. «Negativnaja» identichnost' kak faktor sovremennogo gosudarstvoobrazovanija (na primere Belarusi, Ukrainy, DNR i LNR) // Via in tempore. Istorija. Politologija. 2020. T. 47. № 3. S. 630–639. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-3-630-639. EDN: TVSKHD. [*Gershtein I.Z.* «Negative» Identity as a Factor in Modern State Formation (on the Example of Belarus, Ukraine, DPR and LPR) // Via in tempore. Series: History. Political Science. 2020. Vol. 47. № 3. P. 630–639. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-3-630-639. EDN: TVSKHD.]

Gudkov L. Sindrom negativnoj identichnosti v posttotalitarnoj Rossii // Vtoraja navigacija. Al'manah. 2005. Vyp. 5. S. 123–143. [*Gudkov L.* Negative identity syndrome in post-totalitarian Russia // Second navigation. Almanac. 2005. Issue. 5. P. 123–143.]

Ishhenko N.S., Zaslavskaja E.A. Obraz Drugogo kak strukturnaja karakteristika kul'turnoj granicy (na primere Ukrainy i Donbassa) // Gumanitarnyj vektor. 2021. T. 16. № 2. S. 124–136. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-124-136. EDN: FWXPXOS. [*Ishchenko N.S., Zaslavskaya E.A.* The image of the Other as a structural characteristic of the cultural border (on the example of Ukraine and Donbass) // Humanitarian vector. 2021. Vol. 16. № 2. P. 124–136. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-124-136. EDN: FWXPXOS.]

Komolov N.A. Azovskaja gubernija (1709–1725). Territorija i vysshie administratory. Rostov-na-Donu, 2009. 257 s. EDN: QPQSWR. [*Komolov N.A.* Azov province (1709–1725). Territory and top administrators. Rostov-on-Don, 2009. 257 p. EDN: QPQSWR.]

Kononov I.F. Donbass v regional'noj sisteme Ukrainy // Region i mir. 2021. № 3. S. 21–33. ISSN: 1829-2437. EDN: WJDOKE. [*Kononov I.F.* Donbass in the regional system of Ukraine // Region and the World. 2021. № 3. P. 21–33. ISSN: 1829-2437. EDN: WJDOKE.]

Korzhov G. Regional'naja identichnost' Donbassa: genesis i tendencii razvitija v uslovijah obshhestvennoj transformacii // Sociologija: teorija, metody, marketing. 2006. № 4. S. 38–51. [*Korzhov G.* Regional identity of Donbass: genesis and development trends in the context of social transformation // Sociology: theory, methods, marketing. 2006. № 4. P. 38–51.]

Kovalevskij E.P. Opyt geognosticheskikh issledovanij v Doneckom gornom krjazhe // Gornyj zhurnal. Kn. 2. SPb, 1827. S. 27–56. [*Kovalevsky E.P.* Experience of geognostic research in the Donetsk mountain range // Mining magazine. Book 2. St. Petersburg, 1827. P. 27–56.]

Kuromiya H. Freedom and terror in Donbas: the Ukrainian-Russian borderland, 1870–1990. Kyiv, 2002. 510 p.

Kurylev K.P., Degtyarev D.A. Rol' i mesto Ukrainy v SSSR: zavyshennoe social'no-jekonomicheskoe i pereocennoe politicheskoe vlijanie. Ch. 1 // Postsovetskie issledovanija. 2018. № 6. S. 516–530. DOI: 10.24411/2618-7426-2018-00058. EDN: VAICPI. [*Kurylev K.P., Degtyarev D.A.* The role and place of Ukraine in the USSR: overestimated socio-economic and overestimated political influence. Part 1 // Post-Soviet studies. 2018. № 6. P. 516–530. DOI: 10.24411/2618-7426-2018-00058. EDN: VAICPI.]

Manekin R.V. Doneck Forever. Oчерki istorii doneckogo kraja. 2007. URL: <https://www.manekin.narod.ru/hist/forever/forever.htm> (data obrashhenija: 20.10.2024). [*Manekin R.V.* Donetsk Forever. Essays on the History of the Donetsk Region. 2007. URL: <https://www.manekin.narod.ru/hist/forever/forever.htm> (date accessed: 20.10.2024).]

Okunev I.Yu. Metodologicheskiy sintez v sovremennoj geopolitike: navstrechu neoklassicheskoj (post-kriticheskoj) geopolitike // Politicheskaja nauka. 2015. № 2. S. 26–38. ISSN 1998-1775. EDN: UMJPVH. [*Okunev I.Yu.* Methodological Synthesis in Modern Geopolitics: Towards Neoclassical (Post-Critical) Geopolitics // Political Science. 2015. № 2. P. 26–38. ISSN 1998-1775. EDN: UMJPVH.]

Onuf N.G. World of our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations. Routledge, 2012. 352 p. DOI: 10.4324/9780203722428.

Ó Tuathail G., Agnew J. Geopolitics and discourse: practical geopolitical reasoning in American foreign policy // Political geography. 1992. Vol. 11. № 2. P. 190–204. DOI: 10.1016/0962-6298(92)90048-X.

Podov V.I. Slavjanoserbija. Oчерki iz istorii zaselenija Donbassa v 18 v. Dokumenty. Lugansk, 1998. 119 s. [*Podov V.I.* Slavic Serbia. Essays on the History of the Settlement of Donbass in the 18th Century. Documents. Lugansk, 1998. 119 p.]

Prilipuhov A.A. Osobennosti territorial'noj organizacii jekonomiki Ukrainy // Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Estestvennye i tehničeskie nauki. 2011. № 2 (16). S. 608–611. ISSN 1810-0198. EDN: NTOBYX. [*Prilipukhov A.A.* Features of the territorial organization of the economy of Ukraine // Bulletin of Tambov University. Series: Natural and technical sciences. 2011. № 2 (16). P. 608–611. ISSN 1810-0198. EDN: NTOBYX.]

Rjabinin E.V. Osobennosti formirovanija regional'noj politiko-kul'turnoj identičnosti Donbassa // PolitBook. 2024. № 1. S. 65–81. DOI: 10.24412/2227-1538-2024-1-65-81. EDN: MASJJI. [*Ryabinin E.V.* Features of the formation of regional political and cultural identity of Donbass // PolitBook. 2024. № 1. P. 65–81. DOI: 10.24412/2227-1538-2024-1-65-81. EDN: MASJJI.]

Svatikov S.G. Rossija i Don. 1549–1917. Vena, 1924. 603 s. [*Svatikov S.G.* Russia and the Don. 1549–1917. Vienna, 1924. 603 p.]

Tjorner F. Dzh. Frontir v amerikanskoj istorii. M., 2009. 304 s. [*Turner F.J.* Frontier in American History. Moscow, 2009. 304 p.]

«Ukrainian» of the 1920–1930s: notes, lessons / ed. by V.A. Smolij; team of authors: V.M. Danilenko (org.), Ja.V. Vermenich (deputy org.), P.M. Bondarchuk, L.V. Hrynevych, O.O. Kovalchuk, V.V. Masnenko, V.M. Chumak. K.: Institute of History of Ukraine, 2003. 392 p.

Wendt A. Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46. № 2. P. 391–425. DOI: 10.1017/S0020818300027764.

Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge, 1999. 433 p. ISBN: 9780521469609. DOI: 10.1017/CBO9780511612183.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Матвей Александрович Царёв – аспирант кафедры дипломатии факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Российская Федерация).

E-mail: carev_m_a@my.mgimo.ru

Никита Дмитриевич Тихонов – стажер-исследователь Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Российская Федерация).

E-mail: tihonov_n_d@my.mgimo.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Matvei A. Tsarev – postgraduate student of the Department of Diplomacy of School of International Relations of MGIMO University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: carev_m_a@my.mgimo.ru

Nikita D. Tikhonov – research intern of Institute for International Studies of MGIMO University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: tihonov_n_d@my.mgimo.ru